

УДК 904(519.5)

Загорулько А.В.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Аннотация. Статья посвящена истории формирования законодательной практики защиты и сохранения археологического наследия в исторически существовавших корейских государствах и в современной Республике Корея.

Ключевые слова: археология, спасательные раскопки, культурное наследие, Республика Корея.

Введение в Корею специальных законов, посвященных охране культурного наследия, обычно связывают с японским протекторатом, хотя система охраны особых сооружений и территорий существовала в Корею издавна. Отношение к древностям здесь традиционно было бережным; существовали специальные чиновники, регламентация деятельности которых содержалась в уложении «Тэджон тхонпхён». На государственном попечении находились гробницы корейских ванов, не только предков правящей династии Ли (царствовавшая в Корею с 1392 династия: до 1897 – королей и с 1897 до 1910 – императоров), но и предшествующих правящих домов. Существовала система охраняемых территорий – попсан, для ухода за которыми мобилизовалось определенное количество крестьян. На местном уровне памятные места находились на попечении местных конфуцианских центров – совонов, и были связаны с системой ритуалов, посвященных поминовению предков [4. С.32].

Хотя корейские ученые-конфуцианцы (школа Сирхак) XVIII – конца XIX вв. имели крайне смутное представление об археологии, считали каменные артефакты последствиями природных процессов, да и древняя история изучалась только по летописным источникам, понимание необходимости сохранения культурного наследия было. Оно связано с культом предков – одним из догматов неоконфуцианства. Поэтому изучение древностей было сконцентрировано на легитимизации персонажей китайских летописей (Киджа, Ви Ман) как предков правящего дома. Хотя подобные генеалогические исследования нельзя назвать изучением древней истории, с точки зрения сохранения древностей они имели общенациональное значение – государство законодательно и организационно старалось следить за могилами, храмами предков, а в период Корё (935 – 1392 гг.) – и за буддийскими храмами. Необходимо отметить, что в Японии законы,

запрещающие раскопки на месте древних курганов и захоронений, появились только в 1874 г., в период Мэйдзи.

Собственно, с государственной охраны территорий памятников культуры, которые объявлялись собственностью государства (учитывая реалии XVIII в. – правящего дома), начался процесс формирования законодательной основы сохранения археологического наследия и в Европе. Так, в Швеции все памятники археологии в 1666 г. были объявлены собственностью короля. В 1738 г. королевской собственностью были объявлены памятники археологии в Неополитанском королевстве. В 1807 г. собственностью государства были объявлены памятники археологии в Дании [2. С.3].

Говоря же о средневековой Корее, надо учитывать ещё специфику земельной собственности и многовековое бытование культа предков, как компонента государственной идеологии.

Так что нельзя сказать, что до введения японской колониальной администрацией законов, посвященных охране объектов наследия, в Корее не было ни понимания, ни законодательных актов относительно культурного наследия.

Проблема состояла в том, что с 1864 г. в Корее правительством Тевонгуна проводилась политика изоляции от внешнего мира, поэтому отсутствовали и внешние стимулы для изменения политической структуры и, соответственно, механизм адаптации европейских инноваций. После открытия границ в Корее в 1876 г. из-за люмпенизации населения, происходившей вследствие экономического кризиса, отношение к памятникам прошлого изменилось. Экономические и политические процессы сопровождались изменениями в идеологической сфере, ортодоксальное конфуцианство утрачивало свои позиции, появилось много христианских общин и синкретических сект.

Различные группы реформаторов, входившие в разное время в правительство, в основном пытались изменить политическую структуру старой Кореи и провести экономическую реформу. Вопросы культурного наследия считались второстепенными. Но поскольку и первоочередные задачи не были решены, то и до создания законодательства по охране культурного наследия дело не дошло.

После русско-японской войны из всех мировых держав, претендующих на влияние в Корее, доминировать стала Япония, что в итоге закончилось протекторатом. В 1910 г. во главе страны стал японский генерал-губернатор. В свете внешнеполитической доктрины японское правительство рассматривало Корею как часть территории Японии и видело свою цивилизаторскую миссию во введении современного той эпохе законодательства.

Первый закон, имеющий отношение к охране объектов культурного наследия – закон о храмах и кумирнях, – был принят в 1911 г., через год после аннексии Кореи. В основе охранного законодательства лежало предпринятое еще в 1897 г. японское обследование корейских буддийских объектов, находящихся в собственности государства. Поэтому в раннем законодательстве детально определялись обязанности по сохранению каждого элемента объектов буддийского наследия, регламентировались обязанности настоятелей монастырей и священников в храмах. Хотя первые законы были посвящены в основном религиозным сооружениям, список подконтрольных администрации объектов расширялся, включая раковинные кучи, могильники, объекты природного наследия, достопримечательные места. В Японии подобное законодательство было введено еще в 1895 г.

Законы, посвященные охране культурного наследия и построенные на основе статусного права, были введены в 1916 г., в разгар так называемого «сабельного» периода японской оккупации (1910–1919 гг.). Они назывались «Правила сохранения руин и древностей Кореи», их основные положения были заимствованы из законодательства позднего Мэйдзи и Тайсё («Утраченные и разрушенные древности» (1909), «Законы об охране храмов и гробниц» (1911), «Сохранение памятников эпиграфики» (1916)), измененного в соответствии с целями колониальной администрации. Также в 1916 г. был создан Комитет по исследованию Корейских древностей. Музейное законодательство было взято из Императорских музейных законов 1890-1907 гг. Но контроль за введением и осуществлением нового законодательства был возложен на японскую администрацию [3. С.66].

В правилах была определена процедура учета и контроля всех движимых и недвижимых объектов культурного наследия; обнаружение, исследование и перемещение объектов культурного наследия были строго регламентированы, формализованы и подпадали под юрисдикцию местной полиции. Поэтому большинство объектов культурного наследия были зарегистрированы как государственная собственность. Весь процесс с момента обнаружения контролировался японскими властями и осуществлялся японскими учеными – по введённому законодательству право на осуществление раскопок и разведок имели только японские служащие администрации, поэтому первые археологические обзоры по Корею были написаны ими. Первые археологические разведки японскими учеными на территории Кореи начались еще в 1901 г. – Тадаси Сэкино обследовал и зафиксировал остатки памятников истории и археологии в окрестностях Кёнджу, Кэсона, Пхеньяна и Сеула. А Рю Иманиси провел археологическое обследование Кёнджу (столицы государства Силла) и раскопки раковинной кучи Кимхэ в 1906-07 гг. В дальнейшем эти материалы легли в основу списков памятников истории и культуры, охраняемых государством [5].

К тому же, регистрация археологических памятников и определение их территорий увеличивало количество земель, подпадающих под понятие государственной собственности. Введение охранного законодательства совпало с созданием земельного кадастра в Корею, на основе которого составлялись поземельные списки.

За первые пять лет после вступления правил в силу было предпринято планомерное археологическое обследование территории Кореи, проводились раскопки лоланских памятников, когуресских гробниц, памятников, относящихся к «периоду трех государств» (Когурё, Пэкче, Силла и Кая).

В 1938 г. был составлен и утвержден указом «О достоянии Династии Чосон» первый список объектов культурного наследия. В своей последней редакции, 1943 г., список насчитывал 591 объект.

После освобождения Кореи от японской оккупации, при американской военной администрации на основе «Иванджик» – Управления по делам королевской семьи при японском генерал-губернаторе – было создано Управление по делам бывшего королевского дома, на которое была возложена ответственность по уходу за объектами культурного наследия. Хотя эта функция и не была основной, в некотором смысле управление было восстановленным «Куннэбу» – министерством по делам королевской семьи, одним из шести исполнительных министерств традиционной Кореи периода Чосон.

Когда Республика Корея вступила в ЮНЕСКО в 1954 г., оживилась деятельность по охране культурного наследия. В 1955 г. Управление по делам бывшего королевского дома было реорганизовано, и был переутвержден список объектов культурного наследия, определенный еще японской колониальной администрацией. Также он был переименован в Список объектов национального достояния.

В октябре 1961 г. было создано Управление по делам культурного достояния (Мунхваджэ кваллигук) в составе Министерства образования. На это ведомство были возложены обязанности по созданию законодательной базы по охране культурного наследия, регистрации памятников культурного наследия, описанию и классификации объектов национального значения, формированию бюджета для исследований, раскопок, реставрации и ремонта, консервации и сохранения объектов культурного наследия, распространению копий и сувениров. Официально цели были продекларированы в 1965 г. на страницах первого выпуска журнала «Культурное наследие» («Мунхваджэ»). В 1968 г. Управление по делам культурного достояния было переподчинено Министерству культуры и информации. В 1989 г. оно осталось в реформированном Министерстве культуры. В 1993 г. Управление находилось в составе Министерства культуры и спорта. В 1998 г. перешло в созданное Министерство культуры и туризма.

В 1999 г. Управление по делам культурного достояния было воссоздано как Управление культурного наследия – самостоятельное государственное учреждение, в 2004 г. получившее статус агентства. К настоящему моменту в управление входит 5 бюро. Отдел по делам археологического наследия входит в состав бюро по политике охраны наследия.

Кроме того, в подчинении Управления находится Корейский национальный университет культурного наследия, в который входят Учебный центр традиционной культуры и Национальный исследовательский институт культурного наследия с его региональными подразделениями: Институт Кёнджу (специализирующийся на изучении культурного наследия государства Силла), Институт Пуё (культурное наследие государства Пэкче), Институт Кая (культурное наследие государства Кая), Институт в Наджу (культурное наследие провинции Южная Чолла), Институт Чонвон (культурное наследие провинций Северная Чхунчхон и Канвон). Кроме того, в состав национального института входит Научный Центр Сохранения. Также в ведомстве Управления находятся Национальный музей Кореи (Кёнбуккун), Национальный исследовательский институт морского наследия и офисы 21 королевской гробницы и 4 дворцовых комплексов.

С 1961 г. процесс сохранения всех категорий объектов культурного наследия в Республике Корея становится целенаправленным. Причем процесс отбора объектов, имеющих национальное значение, начинался заново, поскольку список объектов, определенных японской администрацией, подвергался ревизии. Был регламентирован процесс экспертизы для отнесения того или иного объекта в список объектов национального достояния. Критерии выделения отражали в целом существующие в корейском обществе и до 1960-х годов идеологические установки, нацеленные на возрождение корейской культуры и определение самобытности и собственного пути развития корейской нации. Только с 1961 г. работа была организована по-другому, и в эту деятельность вкладывались более значительные средства. В декабре 1962 г. был составлен новый список объектов культурного наследия, в то время их насчитывалось около 116, и утвержден Закон об охране культурного наследия (№ 961) (*Мунхваджэ похолоп*). Согласно процедуре, для утверждения объекта национальным достоянием необходим период изучения, оформленный в виде пакета документации, куда входили сведения о собственнике объекта, информация об обнаружении, размерах, месторасположении, истории и легенды, связанные с объектом, степень сохранности, фотодокументы. Документация изучалась специалистами комитетов, входивших в состав Управления по делам культурного достояния, примерно раз в месяц. Если была необходимость, сотрудник Управления выезжал на месторасположение объекта для натурного обследования. Окончательное решение оставалось за министром культуры и туризма, который подписывал так называемый «сертификат культурного наследия»

(мунхвадже тэджан) и определял средства, необходимые для содержания объекта культурного наследия, основываясь на рекомендациях соответствующего комитета.

К археологии имели отношении всего 5 объектов, и то из числа движимых, – находки из гробниц ванов Силла. К 1989 г. объектов археологического наследия было около 48, в основном это движимые объекты археологического наследия, хранящиеся в музеях Республики Корея. Недвижимые объекты археологического наследия, числом 24, были представлены уже известными и сравнительно изученными памятниками и наскальными изображениями. Однако список постоянно пополняется вплоть до настоящего времени.

С 1970 г. проводятся крупномасштабные раскопки памятников, финансируемые правительственными программами Амсадон, Тонсамдон, Чонгонни и др. Результаты раскопок освещались в прессе и привлекли внимание общественности, что отразилось на повышении внимания к археологическому наследию. Кроме того, тема сохранения археологического наследия стала предметом обсуждения больших инвестиционных проектов, связанных со строительством.

В соответствии с Законом об охране культурного наследия, неоткрытые и неизвестные памятники археологии считались уникальным и наиболее ценным достоянием нации. Погребенными культурными остатками (*мэджан мунхвадже*) считались любой артефакт или сооружение, погребённое в почве, под водой или под зданием. Они включали в себя материальные объекты культурного наследия (здания, картины, старые книги, скульптуры), памятники (раковинные кучи, гробницы, городища, дворцы, храмы, могильники) и участки культурного слоя (Глава 4, статьи 54-65). Законодательная основа для охраны погребённых памятников археологии была разработана в 1967 г. и была отражена в поправках к основному Закону об охране культурного наследия. Основная цель в то время была – остановить грабительские раскопки и препятствовать экспорту ценных артефактов. Последние, на данный момент, поправки были приняты в 2007 г.

В дальнейшем быстрая индустриализация привела к обнаружению тысяч ранее неизвестных памятников археологии. Утрата многих памятников в результате строительства различных промышленных объектов вызвала необходимость предусмотреть обязательное оповещение об обнаружении памятника археологии, что собственно и было сделано в законах об объектах археологического наследия.

Обнаруживший объект археологического наследия обязан заявить о находке в местную полицию, полицейское управление направляет материалы о находках в Управление по делам культурного достояния. На основании данных, представленных в полицейских докладах, специалисты Управления дают заключение о необходимости раскопок обнаруженного памятника. Если памятник археологии был обнаружен в ходе проектных работ, рассматриваются отчеты о разведочных работах археологов. В случае положительного решения собственник или управляющий участка не имел права препятствовать раскопкам. В большинстве случаев все обнаруженные во время раскопок материалы считались государственной собственностью и должны были передаваться в Национальный музей для определения их научной ценности. В редких случаях, когда находился собственник артефактов, государство выкупало их после консультации со специалистами Национального музея. Компенсация, как правило, была небольшая: предполагалось, что собственник передает ценные артефакты государству из-за патриотических соображений. Однако такая практика приводила к тому, что владельцы артефактов или грабители продавали артефакты коллекционерам, которые были готовы выкупать их по рыночной цене. Поэтому в Управлении составили

список корейских коллекций, хранящихся в иностранных музеях и у коллекционеров, затем обязанность отслеживания судьбы корейских коллекций была передана Институту культурного наследия, созданному в 1975 г.

В соответствии с проводимой политикой сохранения и реставрации объектов культурного наследия, раскопки и реставрация наиболее значимых объектов поручались наиболее известным государственным институтам или общественным и частным музеям. Однако, несмотря на такую ответственность, среди штатных сотрудников таких учреждений было мало археологов, имеющих необходимую подготовку для руководства крупномасштабными раскопками. В результате раскопки выполнялись большим количеством наемных рабочих, а фиксация и первичная обработка материала выполнялась студентами. Поэтому, несмотря на достаточную законодательную основу для сохранения археологического наследия, научные раскопки проводились только на наиболее известных памятниках, которым угрожало разрушение.

Стремительная индустриализация, особенно реформы в сельском хозяйстве, требующая больших объемов капитального строительства, выявила недостатки практического применения законодательной базы. Крупные проекты по сооружению плотин – Хапхчхон, Чуам, Намган – предполагали затопление большого количества археологических памятников. Однако в начале 1990-х ни проектировщики, ни правительственные чиновники, ни археологи не оказались готовы к эффективному взаимодействию. В результате потребовалась мобилизация значительных средств и серия популяризаторских мероприятий для привлечения внимания общественности. Но, тем не менее, была выработана схема обнаружения и организации спасательных раскопок на предварительной стадии строительства [1. С.214].

С 1991 по 1997 г. всего было проведено 966 раскопок, из них 585 – спасательные проекты, 236 – реконструкция или проекты восстановления, 145 – научные раскопки. Большинство спасательных раскопок проходило на участках предполагаемого жилищного строительства (142), дорожного строительства (130), офисных зданий (122), промышленного строительства (122) и объектов инфраструктуры – плотины, порты и аэропорты (49). Однако увеличение числа раскопок привело к обострению проблем в корейской археологии: из-за недостатка кадров раскопки осуществлялись только летом, в течении студенческих каникул, плюс недостаток квалифицированного персонала, отсутствие планирования и недостаток средств.

Таким образом, к концу 1990-х в системе сохранения археологического наследия определился круг организационных проблем, актуальных и для современной спасательной археологии [6. С.55-98].

Прежде всего, несовершенство процесса торгов за контракт по организации раскопок, где контракт выигрывает участник, предложивший самую низкую цену. Подобная практика вызвала наиболее сильную критику корейских археологов из-за того что, во-первых, никогда нельзя быть уверенным в объеме работ, поскольку археологические разведки не требовались до начала раскопок; также ограничение в средствах сказывалось на качестве исследований, и часть информации памятника невозможно было извлечь. Другая проблема – отсутствие единой стандартизированной системы расценок на виды работ, необходимых для организации раскопок (кроме собственно археологических, расходы на транспорт, жилье, оборудование, страховые взносы).

Другая проблема спасения разрушающихся памятников – нежелание государства, несмотря на многократно декларированную заботу о памятниках древности, финансировать раскопки разрушающихся памятников. В 1997 г. только 0,6% от общего бюджета Управления по делам культурного достояния (примерно около

полумиллиона долларов США), было выделено на раскопки разрушающихся памятников. Кроме того, отсутствовал административный механизм привлечения к ответственности застройщика, не соблюдающего рекомендации Управления по сохранению объекта археологического наследия и разрушающего памятник археологии.

Другая проблема – кадровая, в ней отражается корейская специфика. Подготовка кадров для спасательной археологии – распространенная проблема в других странах. Недостаток кадров в каждой стране имеет свои причины. В большинстве случаев спасательная археология считалась непрестижным занятием по сравнению с академической наукой.

Но в Корее требования к государственным служащим и работникам бюджетной сферы довольно высокие (специальные экзамены по законодательству, аттестация), поэтому даже при желании специалисту-археологу трудно устроиться в государственное учреждение. В середине 90-х число специалистов по наследию в Управлении по делам культурного достояния составляло 12 человек из 503, остальные были управленцами. Так что даже при наличии подготовленных кадров в Корее существует проблема трудоустройства специалистов по охране культурного наследия.

Но, несмотря на эти трудности, деятельность по охране археологического наследия в Республике Корея является одной из самых активных, по сравнению с другими странами Восточной Азии, особенно в последние годы. На базе региональных центров Национального исследовательского института культурного наследия создаются учебные заведения для подготовки специалистов по охране культурного наследия, в том числе и археологов. Стабильное бюджетное финансирование программ по охране археологического наследия, хотя и не решает всех проблем с разрушающимися памятниками археологии, но создает достаточные условия для дальнейшего формирования системы мониторинга и охраны археологического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bale M.* Archaeological heritage management in South Korea: Nam River Dam Project // *Early Korea*. – N.Y., 2008. – С. 213-233.
- [2] *Cleere H.* Preserving Archaeological Sites and Monuments // *Archaeology*. – 2001. – Vol. II. – С.1-24.
- [3] *Manginis G.* National Narratives and Archaeology: Thoughts on Koreaness and Hellenism // *The Review of Korean Studies*. – 2008. – Vol. 11. – N 2. – С. 59-73.
- [4] *Pai Il Huyng.* The politics of Korea`s past: The legacy of Japanese colonial archaeology in Korean peninsula // *East Asian History*. – 1994. – N 7. – С.25-48.
- [5] *Pai Il Huyng.* Creation of national treasure and monuments // *Korean Studies*. – 2001. – Vol. 25. – N 1. – С. 72-95.
- [6] Мунхвадже ёнгусо испонёнса (25 лет истории Института культурного достояния. – Сеул, 1992.

[7] Мэджан мунхвадже палгуль пансеги (50 лет раскопок археологического наследия // Материалы конференции. – Сеул, 1997.

© Загорулько А.В., 2014.

Статья поступила в редакцию 25 августа 2014 г.

Загорулько Андрей Владиславович,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник,

Российский научно-исследовательский институт культурного

и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Москва),

e-mail: azagor@mail.ru

UDC 904(519.5)

Zagorulko A.

PROTECTION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE REPUBLIC OF KOREA

Abstract. The article is dedicated to the history of the formation of the legislative practice intended to protect and preserve the archaeological heritage in the historically existed Korean states and in the modern Republic of Korea.

Keywords: archeology, rescue excavations, the cultural heritage of the Republic of Korea.

Zagorulko Andrei Vladimirovich,

Dr. in History, Senior Researcher,

D.S. Likhachev Russian Scientific-Research Institute of Cultural

and Natural Heritage (Moscow),

e-mail: azagor@mail.ru